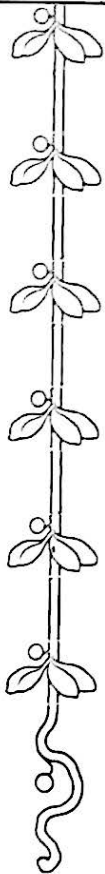

ЧЕХОВСКИЙ ≡

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ.

1860 $\frac{17}{\text{ЯНВАРЯ}}$ 1910.

„На основаніи договора“.

5-го февраля 1899 г. я получила отъ Антона Павловича такое письмо:

„Я къ вамъ съ просьбой, чрезвычайно скучной—не сердитесь, пожалуйста. Будьте добры, наймите какого-нибудь человѣка или благонаправную дѣвицу и поручите переписать мои рассказы, напечатанные когда-то въ „Петербургской Газетѣ“...“

„Рассказы мнѣ нужны; я долженъ вручить ихъ Марксу на основаніи заключеннаго между нами договора, и что хуже всего—я долженъ опять читать ихъ, редактировать и, какъ говоритъ Пушкинъ, „съ отвращеніемъ читать жизнь мою“...“

„Въ Ялтѣ чудесная погода, но скучно, какъ въ Шкловѣ. Я точно армейскій офицеръ, заброшенный на окраину...“

„...Поминайте меня почаще въ вашихъ святыхъ молитвахъ, меня многогрѣшнаго“.

Въ этомъ письмѣ онъ еще „умолялъ“ простить его за безпокойство и увѣрялъ, что ему „ужасно совѣстно“.

Я была рада. Это порученіе нисколько не казалось мнѣ ни скучнымъ ни труднымъ, и я отвѣтила Антону Павловичу, что исполню его съ удовольствіемъ.

Благонаправной дѣвицы у меня подъ рукой не оказалось, но мнѣ порекомендовали человѣка, и мы съ нимъ вмѣстѣ приступили къ работѣ.

Изъ редакціи „Петербургской Газеты“ мнѣ принесли на домъ 5 или 6 громадныхъ толстыхъ книгъ переплетенной за годъ газеты, но такъ какъ эти годы были уже отдаленные, то, чтобы перелистовать ихъ, пришлось поставить рядомъ тазъ съ водой и время отъ времени смывать съ рукъ накопляющуюся пыль.

Разказовъ я нашла очень много, но я знала, что ужъ многіе изъ нихъ были напечатаны въ сборникахъ и, слѣдовательно, ихъ не надо было переписывать. Но у меня не было всѣхъ сборниковъ, и надо было знать заглавія тѣхъ разказовъ, которые еще не попали ни въ одинъ изъ нихъ.

„Я составилъ списокъ разказовъ, которыхъ не нужно переписывать, — писалъ мнѣ Антонъ Павловичъ, — но послалъ его въ Москву; новаго же списка составить не могу, ибо у меня нѣтъ сборниковъ, а память моя подобна рѣшету. Вы спрашивали про „Счастливчика“. Представьте, „Счастливчикъ“ у меня есть. Чортъ бы подралъ этого „Счастливчика“, его напрасно перепишутъ, не стоитъ онъ этого.

„...По договору я долженъ представить Марксу все, иначе я уплачу 100 тысячъ неустойки“...

Чтобы не подвергать Антона Павловича риску заплатить „100 тысячъ“, я еще разъ и еще болѣе тщательно перелистала газету и послала ему списки заглавій.

„Посылаю вамъ списокъ разказовъ, которые не нужно переписывать“, отвѣтилъ мнѣ Чеховъ.

„Скажите моему переписчику, что я сострадаю ему всей душой. Всѣ мало-мальски порядочные и сносные разказы уже давно выбраны и остались только плохіе, очень плохіе и отвратительные“...

Я стала руководствоваться спискомъ Антона Павловича, но въ тотъ день, какъ я отправила ему нѣсколько переписанныхъ разказовъ, я получила маленькое добавленіе къ списку. Оказалось, что мы уже переписали то, что не надо было переписывать.

Черезъ нѣсколько дней Чеховъ писалъ мнѣ: „Позвольте, матушка, воздать должную хвалу вашей добротѣ и распорядительности. Все прекрасно, лучше и быть не можетъ. Переписчикъ пишетъ „скажить“, но это не бѣда“...

Эта похвала моей распорядительности, благодаря которой переписывались лишніе—да еще плохо переписывались—разказы, побудила меня къ самой усиленной дѣятельности. Я взяла другого переписчика, болѣе грамотнаго.

„...Присланныя вами рукописи читаю,—писалъ мнѣ Чеховъ,—о, ужасъ, что это за дребедень! Читаю и припоминаю ту скуку, съ какой писалось все это во время оно, когда и мы съ вами были моложе...“

„Остальные рукописи направляйте въ Москву; я буду передѣлывать, а то, чего передѣлать нельзя, — бросать въ рѣку забвенія“.

У меня къ тому времени уже старались два переписчика, а сама зорко слѣдила за списками, сборниками, измѣненными заглавіями, правописаніемъ и каллиграфіей, но почему-то намъ всѣмъ тремъ прямо не везло, и хотя дѣло и подвигалось, но шло далеко не такъ гладко, какъ бы мы этого желали.

„Ваши писатели переписали половину рассказовъ, уже помѣщенныхъ въ сборникахъ, но это, конечно, не бѣда, — писалъ Чеховъ уже изъ Москвы. — Кланяюсь вамъ въ ножки и съ покорностью жду счета. Сколько получилъ рассказовъ, — не знаю, лѣнь сосчитать. Знаю, что вчера приглашилъ почтальонъ цѣлую кипу. Сосчитаю и напишу вамъ, матушка“.

И, къ моему ужасу, въ этой кипѣ оказались два совершенно неожиданныхъ и очень скверныхъ рассказа, принадлежащихъ перу неизвѣстнаго ни мнѣ, ни Антону Павловичу автора. Какимъ образомъ они переписались и отправились къ Чехову — осталось для меня невыясненнымъ. Но когда они вернулись отъ него обратно съ большими красными вопросительными знаками на оберточномъ листѣ, я долго глядѣла на нихъ съ испугомъ и негодованіемъ. Они-то чего выскочили! Точно безъ нихъ я мало знавала всю возмутительную безтолковость нашей работы.

Пыли было много, а толку мало, но Антонъ Павловичъ продолжалъ хвалить меня.

„Матушка, мнѣ надо повидаться съ вами, чтобы передать на словахъ, какъ безконечно я вамъ благодаренъ.“

„А почтовые расходы? Вѣдь марокъ пошло по меньшей мѣрѣ на 42 рубля. Вѣдь вы послали не бандероли, а тюки“...

Въ это время Антонъ Павловичъ чувствовалъ себя богатымъ и не стѣснялся крупными цифрами: 100 тысячъ неустойки; 42 рубля почтовыхъ расходовъ на пересылку нѣсколькихъ десятковъ мелкихъ рассказовъ.

...„Какъ бы то ни было, если попаду въ Монте-Карло, непременно проиграю тысячи двѣ — роскошь, о которой я доселѣ не смѣлъ и мечтать. А, можетъ-быть, я и выиграю?“

Послѣднюю рукописную тетрадку я передала Чехову собственноручно на Рязанскомъ вокзалѣ, куда онъ выѣхалъ, чтобы повидаться со мной, когда я была проездомъ въ

„ВИШНЕВЫЙ САДЪ“
на сценѣ Художественнаго театра.

Аня, Раневская и Трофимовъ (М. П. Лилна,
О. Л. Книшерь и Н. И. Качаловъ).

Съ фот. К. Фишеръ, Москва.

Москвѣ. Онъ привезъ мнѣ „писательскихъ“ карамелекъ, которыхъ я больше никогда и нигдѣ не встрѣчала.

— А насъ съ вами здѣсь нѣтъ, — смѣясь, сказала она, — когда-нибудь будемъ? Какъ вы думаете?

На каждой карамели былъ портретъ какого-нибудь писателя.

Это было 1 мая, но было холодно. Кажется, что даже былъ морозъ. Антонъ Павловичъ обратилъ вниманіе на то, что я была слишкомъ легко одѣта, что я озябла, и съ своей обычной добротой сейчасъ же пожелалъ прійти мнѣ на помощь.

— Я могъ бы попросить свою сестру дать вамъ что-нибудь потеплѣй.

Въ этотъ день въ Художественномъ театрѣ должна была итти „Чайка“, которая уже много разъ шла, но которой онъ еще не видалъ, такъ какъ жилъ въ Ялгѣ.

— Оставайтесь! — уговаривалъ онъ меня. — Я приглашаю васъ къ себѣ въ ложу. Вѣдь сегодня спектакль не для публики, а для меня. Только для меня.

Я никакъ не могла остаться. Черезъ часъ я должна была ѣхать дальше.

— Наше сотрудничество кончено, — сказать мнѣ Антонъ Павловичъ.

На память объ этомъ „сотрудничествѣ“ я сохранила много писемъ. Изъ этихъ писемъ я привела здѣсь только самыя короткіе отрывки, касающіеся переписки, потому что только объ этомъ эпизодѣ я хотѣла вспомнить и рассказать. Здѣсь Антонъ Павловичъ говоритъ самъ за себя и развѣ въ каждомъ отрывкѣ его письма не говоритъ Чеховъ, — тотъ Чеховъ, который однимъ оборотомъ фразы умѣлъ заставить засмѣяться отъ радости и красоты?

Сегодня не время смѣяться отъ радости. Да! Но, можетъ-быть, кто-нибудь согласится со мной, что, когда даже въ самую тяжелую минуту печали по исчезнувшемъ изъ жизни человѣка вспомнится какая-нибудь его шутка, вспомнится его смѣхъ, вспомнится то, какъ онъ умѣлъ быть веселъ, печаль не исчезнетъ. Быть-можетъ, даже она станетъ еще острѣй и больнѣй, но она улыбнется.

Л. Авилова.